

МУРЗИЛКА

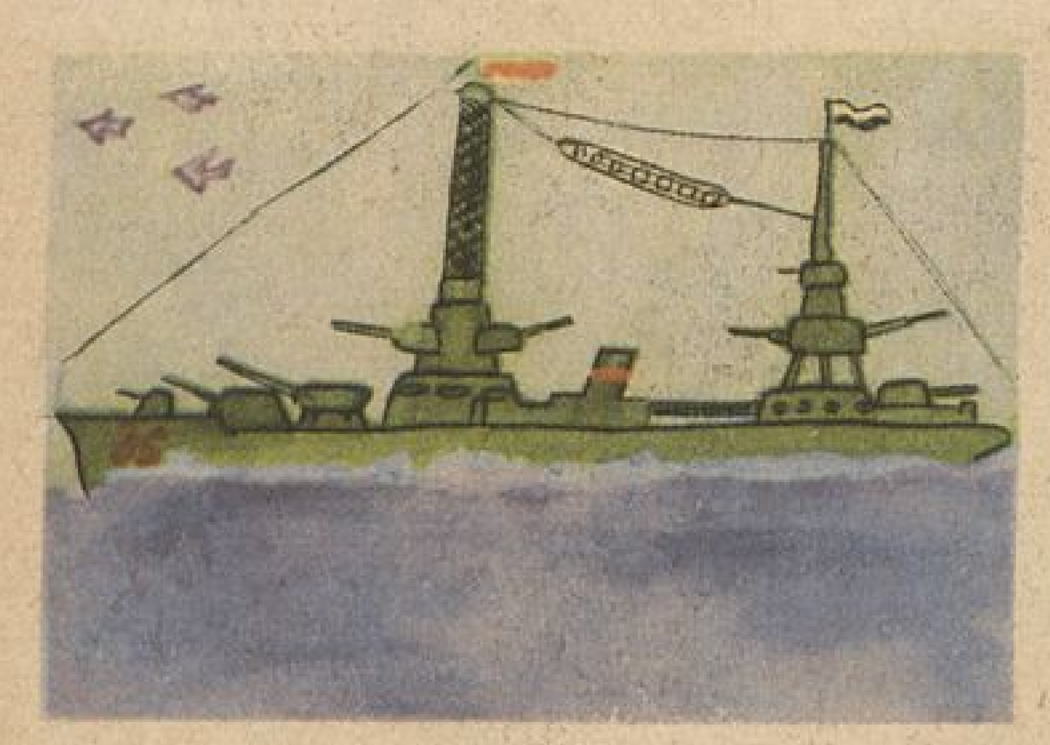
№7

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

ИЮЛЬ 1964

МУРЗИЛКИНА
выставка картин

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДНЮ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

«Крейсер». Рисунок Андрея ТКАЧЕНКО, 9 лет.

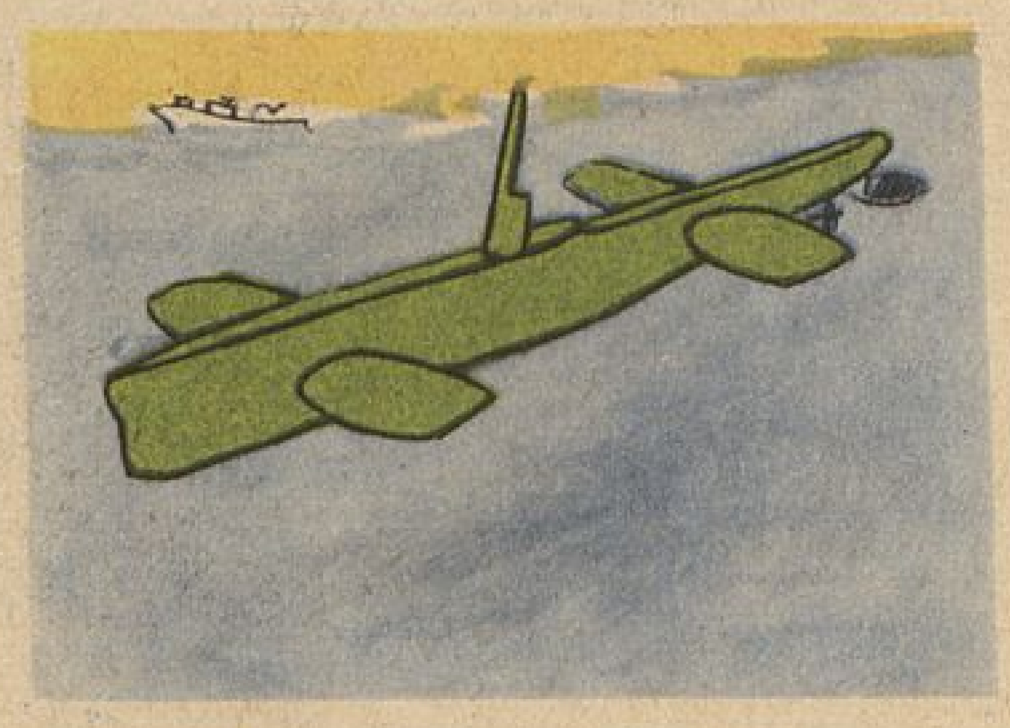
«Подвиг моряков». Рисунок Января КЕРИМОВА, 8 лет.

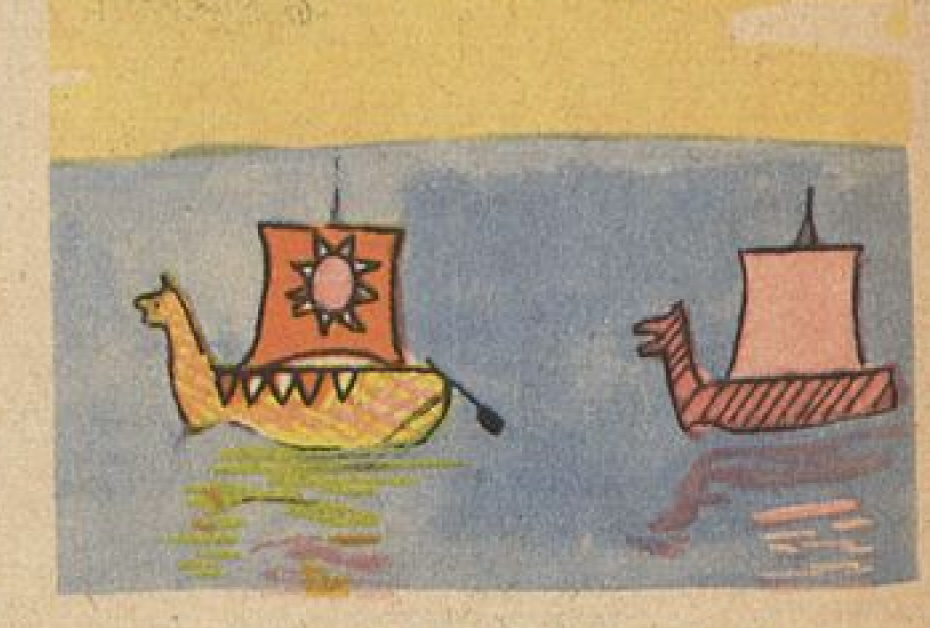
«Аврора». Рисунок Яши КРАСАВИНА, 9 лет.

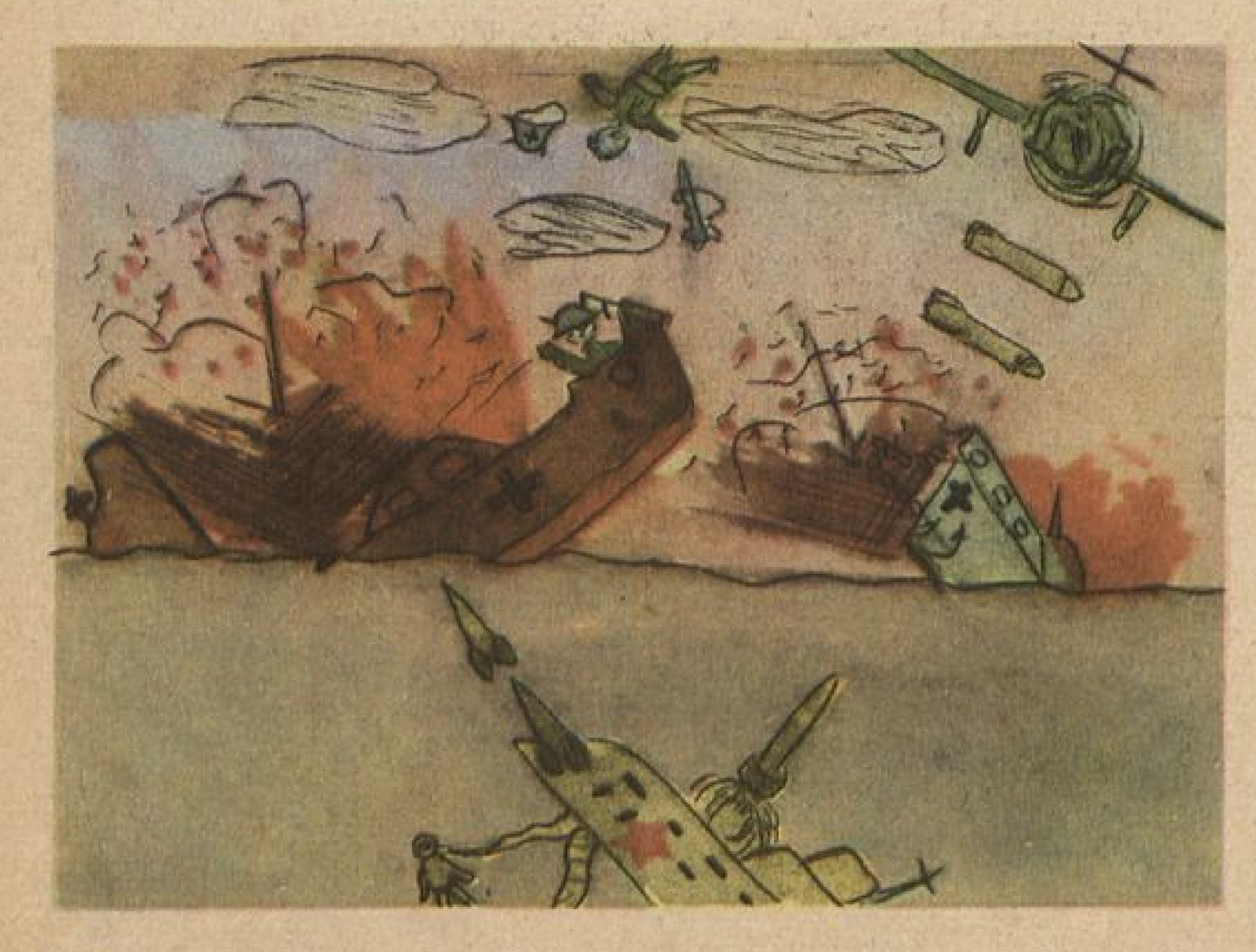
«Матросы Нахимова сражаются». Рисунок Юры ЕФИМЦЕВА, 9 лет.

«Подводная лодка». Рисунок Андрея ЗАНОЗИНА, 9 лет.

«Старые русские корабли». Рисунок Пети КАШИРИНА, 9 лет.

«Подводники и лётчики топят вражеские корабли». Рисунок Лёни СИГАЕВА, 10 лет.

«Матросский патруль». «Защита Севастополя». Рисунки Юры КАНУННИКОВА, 10 лет.

Изостудия Московского дворца пионеров.

Государственная
библиотека СССР
имени
В. И. Ленина
1964 г.
п-65-445

ЧУДО-ДЕРЕВО

И. СТРЕЛКОВА | ***Рис. Н. УСТИНОВА***

Алик Алиев собирался в пионерский лагерь.

— А бабушке тоже путевку дали? — спросила старшая сестра Гуля. — Как наш Алик без бабушки найдёт свои штаны и рубашку? Кто скажет ему, куда он забросил носки и тюбетейку?

Бабушка слышала эти ехидные слова.

— Не обижайте моего любимого внука, — проворчала она. — Я уж позабочусь, чтобы Алик без меня не пропал.

Бабушка взяла красные нитки. На майках, на трусах, на носках — всюду вышила она крупными красными буквами вот такую метку:

«АЛИК АЛИЕВ».

— Теперь ничего не потеряется, — сказала бабушка.

И Алик поехал в лагерь.

— Здравствуй, Алик Алиев! — встретил его у ворот старший вожатый.

А в столовой главный повар улыбнулся ему из своего окошка:

— Ешь на здоровье, Алик Алиев!

«Что за чудеса! — радовался Алик. — Все знают меня. Какой я знаменитый человек!»

Алика записали в октябрятский отряд. Вечером к октябрятам в спальню пришли старшие ребята.

— Мы будем вашими шефами, — сказал высокий мальчик, которого звали Ма-

рат. — Мы будем вам помогать. Сейчас каждый пионер выберет себе октябрёнка.

Конечно, каждому хотелось, чтобы его выбрал сам Марат. А Марат подошёл не к кому-нибудь, а к Алику:

— Я возьму вот этого, Алика Алиева.

Так счастливо прошёл для Алика первый день самостоятельной жизни. С ним поздоровался старший вожатый, его заметил сам главный повар, и лучший из старших ребят стал его шефом.

Ложась спать, Алик вспомнил, что говорила Гуля.

— Видала? — пробормотал он. — Я и без бабушки могу.

Но Гуля была далеко — дома. А услышал Алика мальчик с соседней кровати.

— Подумаешь, без бабушки, — отозвался он. — А я даже читать умею! Хочешь, покажу?

И он прочёл по складам:

— «А-ли-лик А-ли-ли-ев».

Утром Алик вскочил с кровати и сразу закричал:

— А где мои ботинки?

Но бабушки рядом не было. Он полез под кровать и нашёл оба ботинка. Один носок он случайно обнаружил под матрацем, а куда девался второй — неизвестно. Так Алик и вышел на линейку в одном носке.

— Это чей такой? — строго спросил старший вожатый.

— Мой, — ответил Марат. Он взял Алика за руку и пошёл с ним в спальню.

— А носка там нет, — безнадёжно сказал Алик. — Я всё обыскал. Я под все пятнадцать кроватей лазил. Может, я носок вчера на речке забыл? Может, я его в «Аллее сказок» бросил, когда песок из ботинка вытряхивал?

— Значит, не помнишь? — сказал Марат. — Тогда придётся сводить тебя к чудо-дереву.

И они пошли в сад. Алик сразу узнал

чудо-дерево. Ствол дерева был золотой, а на ветвях росли цветы величиной с чашку — красные, синие и жёлтые.

— Чудо-дерево! Чудо-дерево! Верни мой носок, — скороговоркой выпалил Алик, трижды повернулся на одной ноге и зажмурил глаза — в точности как велел Марат.

И чудо-дерево заговорило глухим голосом:

— Я верну тебе твой носок. Только ты умойся сначала.

Алик стрелой помчался к умывальнику. А когда он вернулся, на ветке, рядом

с красным цветком, висел носок со знакомой меткой: «АЛИК АЛИЕВ».

Алик очень обрадовался и побежал завтракать. Потом октябрята играли в лапту, потом купались, потом...

У столовой Алика остановили дежурные:

— Где твоя рубашка? В майке за столом не сидят...

— Рубашка? — Алик оглянулся по сторонам. — Может, она на поляне осталась? Может, в кустах лежит?

— Не знаешь, — поняли дежурные. — А где твой шеф?

— Здесь! — крикнул Марат, вылезая из-за стола с котлетой за щекой.

— Иди к чудо-дереву, — скомандовал он Алику. — Я тебя сейчас догоню.

И Алик побежал к чудо-дереву.

— Чудо-дерево! Чудо-дерево! — повторял он уже в третий раз волшебные слова, крутился на одной ноге и зажмуривал глаза.

Но дерево молчало. Алик чуть не заплакал. И вдруг дерево заговорило. Голос у него был такой, как у человека, который быстро бежал и запыхался.

— Я верну тебе рубашку, — сказало чудо-дерево, переводя дух. — А ты после полдника клумбу польёшь.

— Полью, — обещал Алик и открыл глаза.

На ветке рядом с синим цветком висела его рубашка.

Когда Алик с Маратом кончили поливать клумбу, Алик подумал:

«Надо постараться ничего больше не терять. Наверное, чудо-дерево с каждым разом труднее задачи задавать будет».

Два дня Алик ничего не терял. А на третий вдруг заметил вечером, что под рубашкой нет майки. Может, она на футбольном поле осталась? Может, в душе на гвоздике висит? Алик решил Марату про майку ничего не говорить. Но Марат вдруг сам сказал Алику:

— Что-то о тебе чудо-дерево забеспокоилось. Велело, чтоб ты приходил.

Алик нехотя поплёлся к чудо-дереву.

— Возьми свою майку, — сказало дерево. — Как тебе не стыдно было в такой грязной майке ходить! А ну, ступай в прачечную!

В прачечной Алику дали таз горячей воды, он намылил майку и начал её тереть, а Марат ему помогал. Потом майка высохла на солнце и стала белой-белой.

— Теперь уж я ничего терять не буду! — поклялся Алик, натягивая майку.

И вот ведь какие бывают чудеса — Алик вправду больше ничего не терял. Марат даже посоветовал ему:

— Ты бы спорол эти письмена с рубашки и штанов. Тебя и так уж весь лагерь по имени и фамилии знает.

Алик взял у девочек ножницы и выдернул красные нитки.

Вскоре не только он, но и все другие растеряхи из октябрятского отряда перестали бегать за рубашками и носками к чудо-дереву.

А когда пришло время уезжать из лагеря, Марат сказал:

— Пойдём, попрощаешься с чудо-деревом.

И они пошли в сад. Накануне прошёл дождь, и золотая бумага, которой был обёрнут ствол чудо-дерева, кое-где порвалась. И цветы облетели — жёлтые, красные и синие. А на ветвях росли яблоки — самые настоящие, большие, румяные.

— Ой, это же просто яблоня! — прошептал Алик. И поглядел на Марата. — Ишь ты, какой хитрый!

Марат засмеялся и сорвал одно яблоко:

— Возьми. Это тебе на память от чудо-дерева.

Другие ребята со своими шефами тоже ходили прощаться с чудо-деревом. И все получили от него по яблоку.

Яблоко с чудо-дерева Алик привёз домой и подарил бабушке. Бабушка ела и нахваливала чудо-дерево. А Гуля смотрела и удивлялась.

ТРИ ВЕСНЫ В ОДНОМ ГОДУ

***Семён* ШУРТАКОВ** — ***Рис. И.* ПЯТКИНА**

Мне повезло в этом году на вёсны.

В конце марта пришлось мне быть в Узбекистане. В столице республики Ташкенте было белым-бело от цветущих садов. Цвели яблони и вишни, цвели персиковые и абрикосовые деревья. Из Голодной степи улетали на север зимующие там грачи. Словом, весна была в полном разгаре.

И когда я возвращался домой, как-то удивительно было после всего этого видеть в подмосковных лесах и оврагах снег, удивительно было глядеть на совсем голые, сквозящие перелески и после чуть ли не тридцатиградусной жары влезать в пальто и поплотнее заматывать шею шарфом.

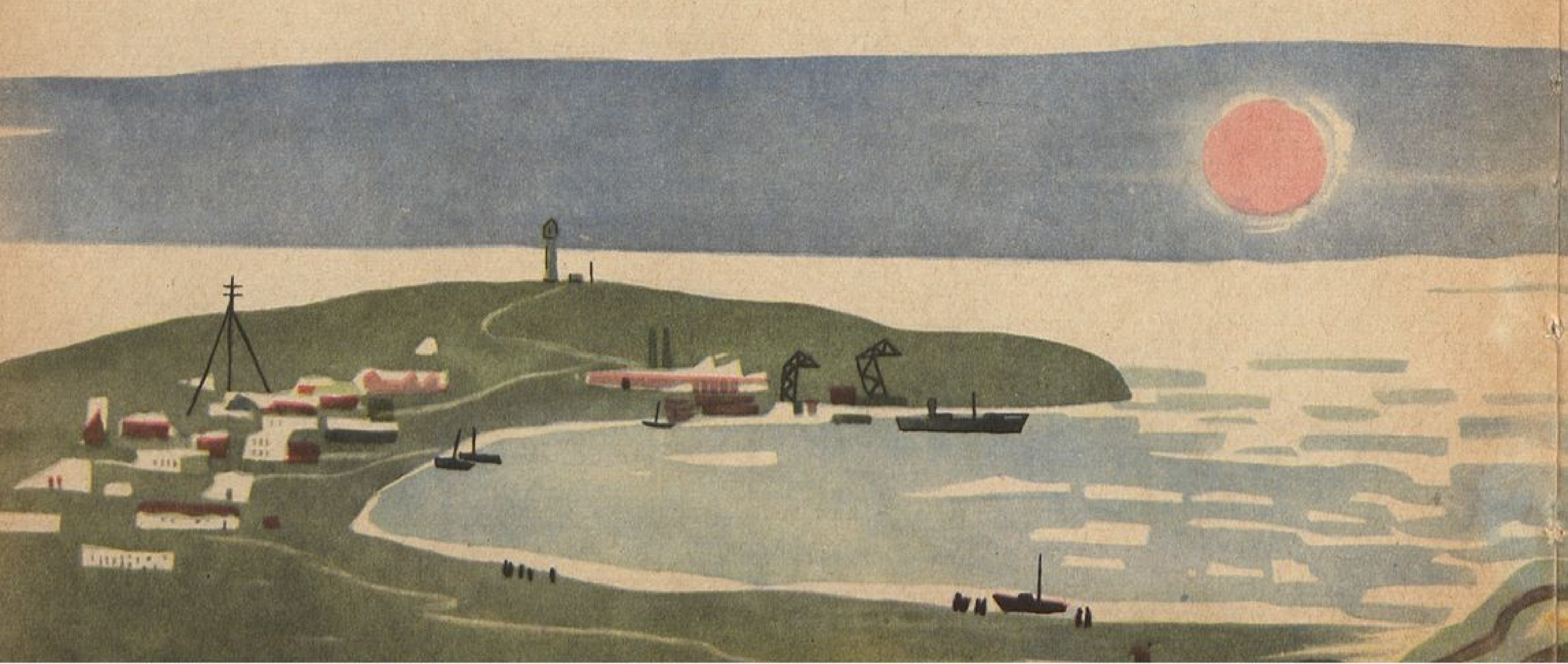
Но прошёл апрель, наступил май, и своим чередом у нас в России проклюнулись почки на деревьях, зазеленели тополя, забелела черёмуха. И в Россию пришла весна-красна. И я очень радовался, что в одном году мне посчастливилось встретить две весны подряд.

Летом я поехал в Сибирь. По могучей сибирской реке Лене я спустился вниз по течению до Ледовитого океана. На самом берегу океана находится бухта Тикси. Вот туда я и прибыл.

Дорога не близкая, устал я изрядно, и в пору бы сразу же лечь спать. Но солнце было ещё высоко и светило как раз в окно моей гостиничной комнаты — попробуй усни. Да и посёлок хотелось поглядеть не откладывая, сегодня же.

Сосед по комнате, молодой инженер-строитель Ким Кононов сказал, что и посёлок и бухта хорошо видны с Лёлькиной горы.

Мы вышли на окраину посёлка и начали подыматься на Лёлькину гору — каме-

нистую сопку. Камень порос травой, тут и там из горы сочится влага. На июльском солнце оттаивает вечный лёд. И тут я, к немалому удивлению своему, увидел среди травы, среди сочащихся, плоских, как блины, камней свежие, по-весеннему сочные цветы. Цветы были не крупными, не яркими. И пахли они очень слабо, некоторые были и совсем без запаха. Но на этой мёрзлой земле тундры они были так неожиданны и так трогательны, что удивился и обрадовался я им куда больше, чем какому-нибудь олеандру или тюльпану. Они, словно тихие огоньки, светили в короткой, как щётка, траве. Вот голубоватый подснежник, вот жёлтый, а вот какой-то нежно-фиолетовый цветок, какого мне ещё не приходилось видеть. Да и подснежники в июле тоже, признаться, я видел в первый раз.

— А ничего удивительного, — сказал Ким. — Это там, — он махнул рукой на юг, — сейчас лето, а здесь, в тундре, весна!

С Лёлькиной горы хорошо виден посёлок. Он раскинулся на берегу бухты. Бухта только у самого берега чиста ото льда, а дальше — серые, подтаявшие льдины, сначала редкие, а чем дальше в открытое море, тем гуще и белее. И там, в сплошном белом, — чёрный ледокол. Он выводит из бухты два груженных лесом лихтера.

С детства мы слышим о том, как велика, как беспредельно громадна наша страна. Но по-настоящему поймёшь это тогда, когда трижды в одном году встретишь весну.

В. ОСЕЕВА

РЕКС И КЕКС

Слава и Витя сидели на одной парте.

Мальчики очень дружили и, как могли, помогали друг другу. Витя помогал Славе решать задачи, а Слава следил, чтобы Витя правильно писал слова и не пачкал свои тетрадки кляксами.

— У нашего директора есть собака, её зовут Рекс! — сказал Витя.

— Не Рекс, а Кекс, — поправил его Слава.

— Нет Рекс!

— Нет Кекс!

Мальчики поссорились. Витя ушёл на другую парту. На следующий день Слава не решил заданную на дом задачу, а Витя подал учителю неряшливую тетрадь. Спустя несколько дней дела пошли ещё хуже: оба мальчика получили по двойке. А потом они узнали, что собаку директора зовут Ральф.

— Значит, нам не из-за чего ссориться! — обрадовался Слава.

— Конечно, не из-за чего, — согласился Витя.

Мальчики снова уселись на одну парту.

— Вот противная собака, две двойки из-за неё схватили! Тут тебе и Рекс и Кекс, а на самом деле Ральф! И подумать только, какие странные вещи бывают на свете!

ПОДАРОК ЛЕНТЯЯ

Сказка

Было у лентяя два дела. Надоели они ему, вышел он на базар и кричит:

— Эй, люди! Покупайте мои дела!

— А какие твои дела? — спрашивают его люди.

— Одно неначатое, другое недоделанное!

— Да они ломаного гроша не стоят!

— Ну, так я их даром отдам! — говорит лентяй. И отдал. На даровщинку всегда охотники найдутся.

А кто взял, у того и посейчас эти дела есть: одно неначатое, другое недоделанное.

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Людмила ЗУБКОВА

ЧУЧЕЛО

Возле грядок чучело
Шляпу нахлобучило,
Прячет руки в рукава,
На ветру озябло.
За плетнём шуршит листва
Говорливых яблонь:
— Ты бы, чучело, ушло,
Ты бы отдохнуло.
Видишь, чёрное крыло
Туча распахнула.
Хоть на миг уйди с поста,
Отлучись от грядок.
Ты промокнешь без зонта
С головы до пяток!..

Отвечало чучело:
— Помолчи, листва,
Слушать мне наскучило
Глупые слова...
Вот пока без передышки
Я стою и ночь и день —
Не проникнут воробьишки
В огород через плетень.
Я стою — и всё в порядке,
А уйду — пропали грядки!

И сейчас же гром гремучий
Забубнил над кадкой-тучей.
Из огромной этой кадки
Бойко спрыгнул дождь
На грядки.
С ходу вымыл кукурузу,
Постирал халат арбузу,
Напоил водой горох,
Промочил весь огород.
Шустрый дождик сбился с ног
И притих измученно.
Смотрит с жалостью чеснок
На беднягу чучело.

Воробьи за ним украдкой
Наблюдают неспроста,
А оно стоит над грядкой —
Не покинуло поста.
И хотят арбуз и свёкла,
Тыква вместе с чесноком,
Чтобы чучело просохло
И взмахнуло рукавом.

Рис. Е. МОНИНА

Вечерняя сказка

И. ТОКМАКОВА
Рис. Л. ТОКМАКОВА

Однажды я бродил в лесу,
Смотрю — уж вечер на носу.
На небе солнца больше нет,
Остался только красный след.

Примолкли ели. Дуб уснул.
Во мгле орешник потонул.
Затихла сонная сосна.
И наступила тишина.
И клёст молчит. И дрозд молчит.
И дятел больше не стучит.

Вдруг слышу — ухнула сова,
Да так, что вздрогнула листва:

— Уху! Уходит время зря,
Потухла на небе заря,
Давай утащим крикуна,
Пока не вылезла луна. —
Другая ухнула в ответ:
— Я не доела свой обед. —
И снова первая: — Уху!
Ты вечно мелешь чепуху!
Мы не успеем долететь,
Ведь могут двери запереть!
Бросай обед. Летим сейчас.
Возьмём его — и кончен сказ.

Раздвинул ветки я плечом,
И крикнул: — Совы, вы о чём? —
Почистив клюв, одна из них
Мне отвечала за двоих:
— На свете славный мальчик есть,
Он сам умеет кашу есть,
Линкор умеет рисовать
И злых собак дрессировать.
Но только скажут: «Спать пора»,
Он рёв заводит до утра:
«Не гасите огня,
Не просите меня,
Всё равно не усну,
Всю постель переверну,
Не желаю, не могу,
Лучше к совам убегу».

И мы решили: так и так,
Раз этот маленький чудак
Ночами не желает спать,
Ему совёнком надо стать.
В дупло мальчишку принесём,
Пять страшных слов произнесём,
Дадим волшебную траву
И превратим его в сову. —
Тут совы с веток поднялись
И в тьму ночную унеслись.

Я знал, куда они летят,
Кого заколдовать хотят,
Ведь это Женька, мой сосед,
Ему пять с половиной лет.
А он все ночи напролёт
Кричит, буянит и ревёт:
«Не гасите огня,
Не просите меня,
Всё равно не усну,
Всю постель переверну,
Не желаю, не могу,
Лучше к совам убегу».

Как этих сов опередить?
Как Женьку мне предупредить?
Никто не сможет мне помочь:
Кругом темно. Настала ночь.
Тумана дымка поднялась,
На небе звёздочка зажглась.
Я дятла кинулся будить:
— Послушай, дятел, как мне быть?
Мой лучший друг попал в беду,
А я дорогу не найду! —
Подумал дятел, помолчал
И головою покачал:
— Никак ума не приложу.
Слетаю мышку разбужу. —
Сейчас же прибежала мышь
И пропищала: — Что грустишь?
Ведь мой знакомый, старый крот,
Прорыл прямой подземный ход. —
И, несмотря на темноту,
Бегом помчался я к кроту.
Но тут опять ждала беда:
Ход шириною был с крота.
Ну, как в дорогу я пущусь,
Когда я в нём не умещусь?
Придётся поверху брести.
Но как тропинку мне найти?
Тут не помогут мне очки.
Но крикнул дятел: — Светлячки!

И прилетели светлячки,
Такие добрые жучки.
И сразу осветилась мгла.
И я помчался, как стрела,
Как скороход,
Как вертолёт,
Как реактивный самолёт.

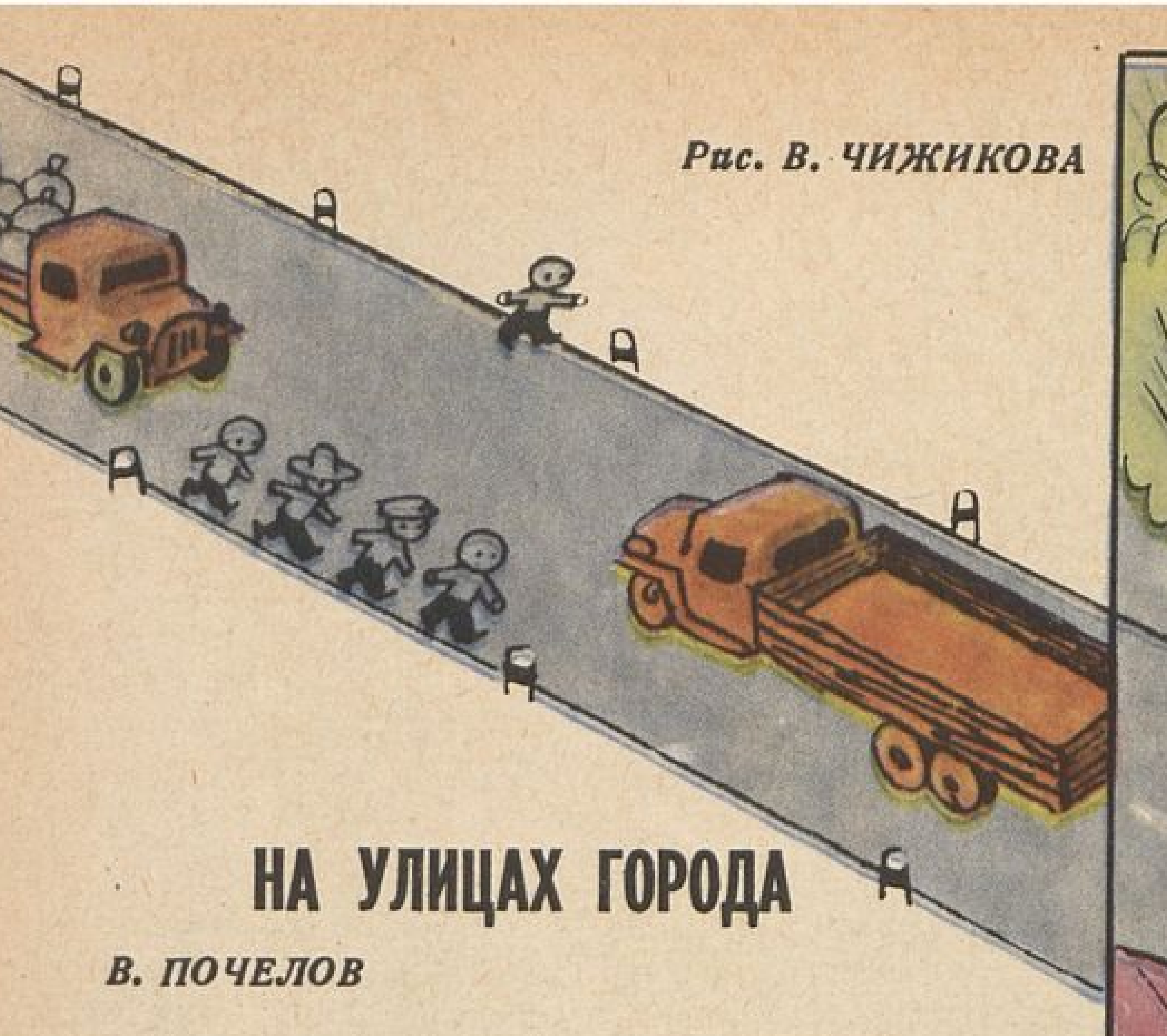
Вот я и дома. Раньше сов.
Обычный Женькин слышу рёв:
— Не гасите огня,
Не просите меня,
Всё равно не усну,
Всю постель переверну,
Не желаю, не могу,
Лучше к совам убегу.

Я крикнул: — Женька, брат, беда,
Ведь две совы летят сюда,
Вот заварил ты кутерьму. —
И всё я рассказал ему.
И Женька сразу замолчал,
Как будто в жизни не кричал.
И с той поры по вечерам
Не поднимает тарарам.
Как скажут Женьке: «Спать пора»,
Он засыпает до утра.

А совы по ночам не спят:
Капризных стерегут ребят.

Рис. В. ЧИЖИКОВА

НА УЛИЦАХ ГОРОДА

В. ПОЧЕЛОВ

На картинке всё неподвижно. Но если бы она вдруг ожила — машины поехали, люди пошли, — не избежать беды. Посмотри на картинку повнимательнее, и ты увидишь виновников возможной катастрофы.

Наверное, сразу ты не найдёшь всех, кто неправильно ведёт себя на улицах. Тогда прочитай эти правила.

1. Не ходи по мостовой, ходи по тротуару.

2. Не играй на мостовой и на шоссе.

3. Переходи улицу по пешеходной дорожке или по туннелю.

4. На улице, где не обозначены переходы, будь особенно осторожен. Переходи дорогу шагом. Сначала посмотри налево, а дойдя до середины — направо.

5. Не переходи улицу перед автомобилем. Шофёр не может остановить его сразу.

6. Не переходи улицу наискосок, иди прямо.

7. Никогда не переходи дорогу при красном свете светофора, жди зелёного.

8. Автобус и троллейбус на остановке обходи сзади; станешь обходить спереди — можешь попасть под машину, которую за автобусом не видно.

9. Нельзя ездить на велосипеде по тротуарам, а в садах и парках — по пешеходным дорожкам.

10. Велосипедист не должен цепляться за машины, ездить вдвоём.

11. Детям до четырнадцати лет нельзя выезжать на велосипеде на улицу и на шоссе.

12. На шоссе за городом иди по обочине навстречу движению.

Теперь-то ты найдёшь всех нарушителей. Сам никогда так не поступай!

СТОП
СТОП
СТОП
СТОП

ВЕЗЁТ ПОДАРКИ ПОЕЗД

Рис. О. ВАСИЛЬЕВА, Э. БУЛАТОВА

Г. ГРАУБИН

Когда у нас под сорок
Показывала ртуть
И белым был, как творог,
Скрипучий санный путь,
Под снегом спали реки,
Заборы и дворы —
Посеяли узбеки
Для нашей детворы
Будущие шубки,
Платьица и юбки,
Шапки,
Пальтишки,
Рубашки,
Штанишки,
Чулочки,
Носочки
И даже
Платочки.

У нас отпели сани,
Раздался скрип телег,
А в Узбекистане
Выпал белый «снег».
Залетают в окна
С хлопковых полей
Белые волокна,
Белого белей!
Наши рощи снова
Осень подожгла.
Белая обнова
На поля легла.
А в снегу по пояс
Громыхает поезд:

— Антрацит гры-зу,
Детворе ве-зу
Кофточки, шубки,
Платьица, юбки,
Шапки,
Пальтишки,
Рубашки,
Штанишки,
Носки,
Чулки,
Носовые
Платки.
Чих-пых, детвора,
Надевай свитера,
Выбегай во двор,
Катайся с гор,
Веселись на льду,
Ду-у-у-у!

ВИЗИТНОЕ ПЛАТЬЕ

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ *Рис. И. ГРИНШТЕЙНА*

Дождь лил, не переставая, третий день. Цветы на клумбах полегли, в лужах плавали завязи яблок, сбитые ветром. Примолкли птицы. Река вздулась от дождей.

Ненастье и тревога наполнили маленький бревенчатый домик.

А ещё недавно стояли жаркие июньские дни, и в доме было празднично. Вся семья ждала приезда дорогого гостя — Владимира Ильича. Мария Александровна сняла этот золотистый домик на берегу Пахры. Три окна смотрят на дорогу. Позади дома небольшой сад. В углу сада беседка, и перед ней крокетная площадка. «Всё здесь напомнит Володе Симбирск, детство, — думала мать, — и Пахра чем-то походит на Свиягу».

Наконец-то все дети на свободе. Кончилась трёхлетняя ссылка Владимира Ильича, позади тревожные дни, когда Дмитрий Ильич и Мария Ильинична находились в тюрьме. Материнское сердце отдыхало. И вот пришла тревожная весть — Владимира Ильича снова арестовали. Мария Александровна не выдержала нового испытания — слегла.

Анна Ильинична, Мария Ильинична и Дмитрий Ильич в столовой ждут, что скажет врач. Дмитрий Ильич перелистывает медицинский учебник.

Доктор Левицкий вышел из комнаты Марии Александровны, и все трое поднялись ему навстречу.

— Что вы находите, доктор? — обеспокоенно спросила Анна Ильинична. — Какое лечение?

— Ничего страшного. А лечение — свежий воздух, волнения только радостные.

— Но у мамочки больное сердце, ей столько пришлось пережить, — замечает Мария Ильинична.

— И шестьдесят пять лет дают о себе знать, — добавляет Дмитрий Ильич.

Доктор пощипал бородку, внимательно посмотрел на книгу, которую Дмитрий Ильич держал в руках.

— Дорогой коллега,— сказал он.— Сердце матери ещё ни в одном медицинском учебнике не описано, тайны его могущества не раскрыты. А хорошая доза радости — для него самое лучшее лекарство. Да-с. Я разрешил вашей матушке вставать, завтра наведаюсь. А пока честь имею кланяться...

Сёстры направились в комнату матери, а она сама вышла им навстречу, чуть побледневшая, но снова бодрая.

— Мамочка! Как ты себя чувствуешь?

— Значительно лучше, — ответила Мария Александровна, — настолько лучше, что я решила ехать в Петербург.

— Это невозможно! Ты больна! — воскликнули сестры.

— Я не могу бездеятельно сидеть и ждать. Может быть, мне удастся облегчить участь Володи. Подам прошение в жандармское управление... Митенька, сходи, пожалуйста, на станцию, купи мне билет. Да оденься получше. Такой унылый дождь.

А тебя, Анюта, я прошу привести в порядок моё визитное платье, а я с Маняшей соберу саквояж.

Дмитрий Ильич отправился на станцию. Анна Ильинична вынула из гардероба чёрное платье и стала прилаживать к нему свежий воротничок. «Славный мамочкин боевой мундир», — подумала она с нежностью.

Не для праздничных визитов было сшито это платье, а для посещений приёмных жандармских управлений, генерал-губернаторов. Каждый раз, когда с кем-нибудь из детей случалась беда, мать вступала в тяжёлую, упорную и терпеливую борьбу. Только платье знает, как тревожно билось сердце, а затем и вовсе замирало, слы-

ша жёсткое, холодное: «В вашей просьбе отказано». Но она никогда не складывала рук, не приходила в отчаяние, а, сжав тонкими пальцами перо, вновь и вновь писала прошения, писала так, как принято было писать: «Милостивый государь! Честь имею покорнейше просить...» Сколько таких прошений хранится в архивах жандармских управлений!

Мария Ильинична помогала укладывать саквояж и с тревогой поглядывала на маму. «Как она поедет? Может быть, попросить доктора Левицкого быть её «случайным» попутчиком? Попытаться ещё раз отговорить её от поездки?»

У дверей затрезвонил колокольчик. В сенях шум, смех... И, как весёлый летний ураган, в комнату влетели разом Дмитрий Ильич и Владимир Ильич.

— Мамочка! Володя приехал! Мамочка! — кричит Анна Ильинична.

— Володюшка! Володюшка! — спешит мать навстречу сыну. — Здоров? Свободен?

— Здоров, совершенно свободен и счастлив безмерно. — Владимир Ильич скинул мокрое пальто, обнял мать.

— Володенька, братик, скажи, что я не сплю и что всё это наяву, — теребит брата Мария Ильинична.

— Анюта, убери скорее моё визитное платье, — просит Мария Александровна.

— С превеликим удовольствием.

Анна Ильинична вешает платье в гардероб и плотно-плотно закрывает дверку.

Сёстры собирают на стол, в доме звучит смех.

Владимир Ильич бережно усадил Марию Александровну на диван и сел рядом с ней.

— До чего же хорошо дома, просто прелесть! Представляю, как здесь красиво в солнечную погоду.

— Здесь даже и в ненастье уютно, — отвечает счастливая мать. — Посмотри, какой светлый дождь за окном.

— Ну, расскажи, Володек, как тебе удалось выбраться из тюрьмы и как ты попался, — просила Анна.

Мария Александровна садится к самовару, разливает чай.

— Приехал в Питер и... подцепил «хвост»,—смеётся Владимир Ильич.— Когда жандармы схватили меня, первой мыслью было: как бы освободить карманы. Но не тут-то было! Два дюжих молодца закрутили мне руки назад, а третий зорко следил, чтобы я чего-нибудь не сжевал. А в карманах у меня просто сейф: две тысячи рублей — на газету получил, большое письмо Плеханову с подробным планом организации газеты, адреса конспиративных квартир.

— Умереть можно от страха, — поёживается Мария Ильинична.

— Но! — поднимает палец Владимир Ильич. — Всё это было записано молоком, лимонной кислотой и разной прочей снедью, записано между строчек на разных квитанциях. Сижу в камере и раздумываю — догадаются жандармы все эти квитанции утюгом прогладить или нет? И, представьте себе, не догадались! Через десять дней вызывают меня и строго-настрого внушают, что без разрешения в Питер и ещё в шестьдесят городов мне приезжать не велено. Вернули мне всё моё имущество, деньги и даже заграничный паспорт.

Мария Александровна, стараясь не выдать огорчения, спросила:

— Ты что, Володюшка, за границу собираешься?

— Да, мамочка, в Германию. Мы задумали большое, важное дело — решили издавать газету. Будем печатать её в Германии и тайными путями переправлять в Россию.

— А как она будет называться? — спросила Анна Ильинична.

— «Искра»! — воскликнул Владимир Ильич. — «Из искры возгорится пламя». Помните?

— Да, да, — говорит Мария Ильинична, — это из ответа декабристов Пушкину.

Мария Александровна прислуши-

вается к разговору детей и понимает, что задумано великое дело. По всей России будут созданы опорные пункты для газеты. Владимир Ильич уже побывал в Риге, Смоленске, Петербурге, Москве и в Пскове и везде организовал работу корреспондентов, агентов по распространению газеты.

— Вот бы съездить ещё на Волгу — в Самару, в Нижний, по пути завернуть в Сызрань, проехаться к Надюше в Уфу!

— Соскучился? — спрашивает участливо мать.

— Очень! — искренне вырвалось у Владимира Ильича. — Это ведь

первая наша разлука. И хочется познакомиться с товарищами в Уфе... Разложить наши костры по Волге. Вот «Искра» и должна будет их зажечь.

— А если тебе попросить разрешение? — спросила мать.

— Уже просил. Наотрез отказали, — вздохнул Владимир Ильич.

Дождь перестал. Владимир Ильич распахнул окно.

— Пойдём, мамочка, посмотрим сад,— предложил Владимир Ильич.— Только надень калоши и пальто.

Опираясь на руку сына, Мария Александровна вышла в сад.

— Как красиво здесь! Прямо как в Симбирске! — восхищался Владимир Ильич. — Я вызвал сюда товарищей посоветоваться о наших делах. А пока они приедут, мы будем с тобой целые дни проводить вместе. Я даже писать не буду.

Мария Александровна молчала, она думала о чём-то другом.

— Знаешь, Володюшка, я, кажется, придумала, как тебе поехать к Надюше и по твоим кострам на Волге.

— Мамочка!

— Да, да, я должна познакомиться с невесткой, — весело продолжала Мария Александровна, и лучики-морщинки разбежались вокруг глаз.

— С Надей? — удивился Владимир Ильич. — Но ты же с ней знакома.

— Да, но жандармам это неизвестно. Женился ты в ссылке, домой жену не довёз.

— Полиция не разрешила, ей ещё полгода быть в ссылке.

— Так вот. Я должна познакомиться с невесткой. Это моё материнское право, и отказать мне в этом не могут. Я поеду в Петербург и буду хлопотать.

— Но ты можешь ехать к ней и без разрешения.

— Я не могу ехать одна. Мне шестьдесят пять лет. У меня больное сердце. А кто же должен сопровождать меня и представить матери свою жену? Сын... Ты, Володюшка! Я сегодня же поеду в Петербург, — твёрдо сказала Мария Александровна.

Владимир Ильич молча обнял мать.

По дорожке к ним шла Анна Ильинична.

— Ну, как тебе здесь нравится, Володек? Наконец-то наша мамочка дождалась тебя.

Владимир Ильич только развёл руками. Вид у него был счастливый и чем-то смущённый.

— Анечка, я еду сегодня в Петербург. Выньте, пожалуйста, моё визитное платье, и пусть Митя сходит на станцию, — ласково сказала Мария Александровна.

В ссылке Владимир Ильич продолжал революционную работу.

Весной 1898 года в Шушенское приехала невеста Владимира Ильича — Надежда Константиновна Крупская, чтобы вместе отбывать и свою ссылку. Надежда Константиновна стала женой, верным другом и помощником Владимира Ильича.

По примеру ленинского «Союза борьбы» марксисты создавали такие союзы и в других городах. Рабочие вступали в борьбу. Но их действия были разрознены. Нужен был главный штаб, который объединил бы их.

«С чего начать?» — спрашивал Владимир Ильич и объяснял, что прежде надо создать газету. Она объединит рабочие кружки. В ссылке Ленин выработал план создания газеты.

В 1900 году Ленин вернулся из ссылки. Ему запретили жить в больших городах. Владимир Ильич поселился в Пскове, поближе к пролетарскому Питеру.

Летом 1900 года Ленин выехал за границу, чтобы там издавать газету «Искра». Газета тайно доставлялась в Россию и распространялась среди рабочих.

НИКОЛКИНО СЧАСТЬЕ

Ю. СТЕКЛОВА

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

Жил Николка бедно. А с чего ему богатым-то быть? За Матрёшек гроши получал — не более. Но дело своё страсть как любил. Сперва это он выточит игрушку, а потом пятнышками разноцветными украсит, сидит и любуется — одна другой краше! Пойдёт на базар, ребятишки обступят, не знают, какую и выбрать...

Вот выточил Николка однажды Матрёшку, глаза ей синие-пресиние нарисовал. Поставил её на стол, глядел-глядел да что-то пригорюнился... Почесал затылок и говорит:

— Эх, Матрёшка-Синеглазка! Был бы я богат! Зажил бы на славу!..

И только руку протянул, чтобы её на место поставить рядом с другими Матрёшками, как вдруг она завертелась-закружилась да как подпрыгнет — и на том месте, где стояла, золотые монеты горкой расти стали.

Николка обомлел. А горка растёт да растёт. Он поскорее то золото в карманы — они уже полным-полны: он мешочек схватил да давай в него золото набивать. Оно шумит да звенит, Николке от блеска глаза заволокло... Когда последняя монетка по столу покатилась, Матрёшка щёлкнула, будто сундук захлопнулся. Замигала она глазками и говорит:

— Ну вот, Николка! Живи да радуйся! Только ремеслом своим заниматься не смей, а то всё золото потеряешь.

— Нужны вы мне больно, Матрёшки-то! — ответил Николка. — Проживу и без вас! Слава богу, руки отдохнут!

И полез Николка на печь. Наутро проснулся, слез с печи, подошёл к мешочку. Достал Николка одну самую маленькую монетку и думает: «Пойду на базар, куплю новую скамью». Купил, принёс, сел на неё и говорит:

— Прежде мне бы день-деньской строгать пришлось, а тут монетку отдал — и готово дело! А с чего это я одну только скамью купил?

И начал тут Николка всякого товару набирать: только и делает, что приносит да привозит. В избе уж и места свободного не осталось. Тогда надумал он избу новую построить. Народу нанял рабочего — пропасть! Тут и землекопы, тут и плотники,

тут и столяры и маляры. Все работают, а Николка вокруг да около ходит, потрапливает. Сам-то ничегошеньки не стал делать. А зачем, коли денег девать некуда?

Народ удивляется: «Где же это Николка деньжищ добыл столько?»

А он про Матрёшку-Синеглазку помалкивает. Говорит: дескать, брат старшой помер, наследство ему оставил. А брата-то у него и не было.

Ладно... Изба вся резная да расписная вышла — глаз не оторвать. Новоселье на славу справил.

Пришло время — женился Николка. Через год сынок народился. Радовался Николка — как славно он живёт: одна забота — деньги из мешочка доставать да покупки домой волочить.

Однако прошло ещё сколько-то времени, и загрустил Николка. На жену не глядит. На сына и то глаз не подымет. Заскучал, затосковал. Никто понять не может: чего ещё Николке надобно? А он, как свеча, тает. Пойдёт в лес, сядет на пенёк и сидит камень камнем. Думают люди: «Может, хворь напала?» Даже те, кого зависть брала, и то жалеть его стали.

Однажды Николка заплутал в лесу. Ни одной тропинки не видать. Он аукаться. А что толку? Эхо одно долетает. Уморил-

ся Николка. Сел на пенёк, опустил голову, на траву глядит. Вдруг видит: чурбачок валяется. Он тот чурбачок поднял, оглядел со всех сторон, вытащил из кармана ножичек да давай строгать да вырезать. Николка тут и в лице переменился, руки-то быстрые стали. От радости песню запел. Поёт, а сам обтёсывает. Вот уж скоро Матрёшка готова будет. Думает Николка: «Жаль, верстака нет, а то бы посkладнее получилась». Развёл Николка костёр — над ним шило подержал да тем шилом по Матрёшке узор вывел. Глядит — не налюбуется. Вдруг как засмеётся! И говорит:

— Радость-то какая! В голову никогда не пришло бы, с чего это я тоскую. Сердце и руки по любимому делу скучали, а я понять не мог, в чём моя беда, а в чём счастье! То ли дело работать да детвору радовать!

И только Николка хотел Матрёшку спрятать в карман, как она — прыг в траву. Замигала-замигала глазками и говорит:

— Николушка! А Матрёшка-Синеглазка просила напомнить тебе про уговор: как возьмёшься за любимое дело — пропало твоё золото... Ты уж выбирай!

— Отдаю его Синеглазке! Не жаль мне его! Что в нём толку — пустота одна!

Только сказал, глядит: а Матрёшки и след простыл, будто её вовсе не было...

Спрятал Николка ножичек и шило да вышел из лесу.

Приходит он в своё село, а новой избы как будто и не строил. Подошёл Николка к старой своей избе, видит: жена с сыном сидят, горючими слезами обливаются, его оплакивают. Как взглянули на Николку, обрадовались оба.

Подошёл Николка к своему семейству и говорит:

— Не горюй, жена, не горюй, сынок! Золото счастья не даёт! Радость-то в труде, в любимом деле! Вот так-то!

Ну и зажили они дружно-весело! Прошло время — избу новую сами построили, сына женили, внуков нянчили и внукам про то, что с ними приключилось, рассказывали...

Вольт СУСЛОВ

ДВЕ ПРОНЫРЫ

Юля с Викой — две проныры—
Изучают все квартиры.
К дяде Саше, к тёте Вере
Лезут в окна,
Смотрят в двери:

Где пекут пирог с черникой?
Кто с базара что принёс?
Двум пронырам, Юле с Викой,
Всюду нужно сунуть нос!

А недавно Вика с Юлей
Заглянули к пчёлам в улей...
Разберись теперь поди-ка:
Кто тут Юля, кто тут Вика?

В. КОСТРОВ Рис. А. БРЕЯ

Маша-„чепуха"

Отчего в посёлке нашем
Потеряли все покой?
Оттого, что наша Маша
Заболела «чепухой».

По дороге шла машина,
Задавила петуха.
Это Машу рассмешило,
Закричала:
— Чепуха!
Петя двойку получил:
— Чепуха!
Коля палец занозил:
— Чепуха!
Уплыла у мамы каша.
— Чепуха! — сказала Маша.

Все от девочки такой
Заразились «чепухой».

Зачирикал воробей:
— Чепуха!
Замяукали коты:
— Чепуха!

В поле лошади заржали:
— Чепуха!
Поросята завизжали:
— Чепуха!

Захотелось кушать Маше —
Несолёная уха.
Мать заметила: — Не страшно!
Ешь без соли. Чепуха!

Медведь, жираф, олень, лев и слон убежали с карусели. Найди их.

Маша в лужу угодила,
Куклу новую разбила.
А отец сказал:
— Ха, ха!
Маша, это чепуха!

Раз бодучая коза,
Сделав страшные глаза,
Понеслась за Машей следом,
На рога поднять грозя.

Маша бегает и плачет,
А коза за нею скачет.
Слышен голос пастуха:
— Маша, это чепуха!

Маша мне сказала:
— Дядя,
Помести меня в стихи,
Всем ребятам нашим надо
Отвыкать от «чепухи»!

Александр БАЛАШОВ

ЧТО ТАКОЕ ЛЕТО?

Что такое лето?
Это много света,
Это поле, это лес,
Это тысячи чудес,
Это в небе облака,
Это быстрая река,
Это яркие цветы,
Это синь высоты,
Это в мир сто дорог
Для ребячьих ног.

Загадка-шутка. Где второй город?

Рис. Л. СМЕХОВА

25979

Индекс 70553

БАТИСФЕРА

На земле всюду есть жизнь. В жарких песчаных пустынях цветёт саксаул и свистят ящерки гекконы. На вечно снежных вершинах гор эдельвейсы своим теплом растапливают дырочки в снегу и цветут весной. Даже в пещерах, куда никогда не проникает свет, живут рачки, саламандры и слепые рыбы.

Люди побывали и на Северном и на Южном полюсах. Взобрались на высочайшую вершину Джомолунгма высотой почти девять километров — такую высокую, что на ней было мало кислорода и пришлось надевать кислородные маски.

Люди всегда мечтали узнать, что делается на морском дне и в пучинах океанов. Человеческая фантазия населяла их гигантскими морскими змеями и драконами. Но в древности не было таких аппаратов, при помощи которых можно было бы пробыть долго на большой глубине.

И только в нашем веке удалось построить такой аппарат — батисферу. Батисфера — это стальной шар, внутри сидят учёные, они смотрят в круглое окошко из толстого кварца. Океанский мрак освещают прожектором. Шар опускают с научного корабля на стальных тросах. Опускаются на глубину смелые люди — ведь на батисферу давит столько воды, что, если появится маленькая трещинка, батисфера будет мгновенно раздавлена.

Много удивительного узнали учёные. Они видели таких животных, которых никогда не увидят на земле. Раньше думали, что на дне океана нет жизни, а учёные, когда опустились на глубину в одиннадцать километров, вдруг увидели следы, похожие на след автомобильных шин, и норы неизвестных животных. Гигантские кальмары, девятнадцать метров длиной, живут в подводных ущельях. Они охотятся на светящихся рыб. А иногда непонятно, кто проплывает, видно только целое облако мерцающих огней.

Не только учёным нужно знать жизнь глубин. Икра и мальки многих промысловых рыб глубоководные. Учёные помогают рыбакам разгадать тайны океанов. На какой глубине идут рыбьи стаи! Куда уходят крабы от берегов! Где больше всего корма для рыб! Всё это нужно рыбакам, чтобы лов был всегда удачный.

Г. СНЕГИРЁВ

Рисунок на обложке Б. КЫШТЫМОВА

Редактор **А. МИТЯЕВ**

Редколлегия: **З. Александрова, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова** (зам. редактора), **М. Коршунов, Ю. Коринец, С. Маршак, Ю. Нагибин, К. Орлова** (ответственный секретарь), **Е. Рачёв.**

Художественный редактор **Ю. Молоканов.** Технический редактор **В. Лубкова.**

Год издания сороковой. Цена 10 коп. Подп. к печати 8/VI 1964 г. Бумага 60×90¹/₈. Печ. л. 3(3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 500 000 экз. Заказ 899.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва А-30, Сущёвская, 21. Телефон Д 0-45-08.